

Немного Андрей, немного Ромео

Солист балета Парижской оперы станцевал в Москве

Майя Крылова

Приглашать иностранного гастролера на выступления в российскую труппу — дело в принципе хорошее. Особенно когда гость представляет знаменитую европейскую труппу. В этот раз возможность посмотреть танцующего иностранца предоставила труппа «Кремлевский балет» — в ее спектакле «Ромео и Джульетта» главную партию исполнил солист Парижской оперы Карл Пакетт. В родном театре он числится первым танцовщиком: это вторая сту-

пень в балетной табели о рангах, высшая — «этуаль» (звезда).

Появление Пакетта в Москве — результат сложного стечения обстоятельств. Шекспировский балет в Кремле идет в постановке Юрия Григоровича. Тот же хореограф не так давно возобновил свой давний спектакль «Иван Грозный» в Париже, роль князя Андрея Курбского станцевал Пакетт. И так впечатлился экзотическим драматизмом роли (которая, кстати, повысила внутритеатральное значение первого солиста Оперы — «после Курбского ко мне стали отно-

ситься серьезнее», говорит Пакетт), что стал раздавать интервью, в которых превозносил Григоровича и ругал постановки Нуреева («Нуреев ставил танцы для себя, Григорович — для всех»). Вдобавок парижанин публично проявил редкую в Европе вкусовую консервативность, с отвращением вспоминая свое барахтанье в сырой земле при исполнении «Весны священной» Пины Бауш.

Знакомство с русским хореографом имело естественное продолжение: Пакетт стал одним из трех студентов, набран-

ных Григоровичем на собственный курс подготовки балетмейстеров в питерской Академии русского балета. После этого до московского выступления Карла оставался один шаг: глава «Кремлевского балета» Андрей Петров — давний соратник Григоровича.

Одобрительно рассуждая о балетах, в которых можно сыграть роль, а не просто танцевать, Карл явно подразумевал, что его незаурядный артистизм только и ждет подходящего балетного материала, чтобы проявиться во всей красе. Выступив в роли Ро-

мео, Пакетт получил то, что увидел в спектаклях Григоровича, — «хорошо развитую главную лирическую мужскую партию» и танцы, где выражено «эмоциональное состояние персонажа и развитие его личности». Вот тут бы французу и развернуться. Но его выступление в «Ромео и Джульетте» оказалось откровенно неинтересным. И главное впечатление от этих гастролей — ощущение глобальной разницы двух исполнительских школ, французской и русской.

Российские рецензенты, видевшие Пакетта не только в Гри-

горовиче, но и в Баланчине, отмечали в статьях «дистиллированную точность» француза и его манеру танца — «бедненько, зато чистенько». Когда Пакетт сделал Курбского в Париже, газета «Фигаро», наоборот, одобительно писала: «артист снял чрезмерную утрированность характера» с роли русского диссидента XVI века. То есть, по французским понятиям, типичная для тамошних танцоров холодноватая сдержанность — самое то, даже если образ связан с историей далекой загадочной Москвы и с мрачноватым мело-

драматизмом постановки Григоровича.

Получив похвалу на родине, Пакетт с легким, надо полагать, сердцем слепил схожего с Курбским Ромео. Что в радости, что в печали нетемпераментный Пакетт был одинаков — любезный кавалер балерины, грамотный исполнитель классических па, красивый блондин, радующий девичьи взоры. Корректная сдержанность танца не поддерживалась ничем, и не потому, что актер Пакетт сознательно решил лепить образ из внешней невозмутимости, а потому, что

танцовщик Пакетт не очень умеет играть, хотя и хочет. При этом не исключено, что в собственных глазах Карл выглядит как актер, рвущий страсти в клочья и сыгравший Ромео так, что зрителей прошибает слеза.

Возможно, из-за такого партнера Джульетта (хорошая балерина Наталья Балахничева) на этот раз тоже подрастеляла эмоции. И если б в пьесе Шекспира и в спектакле «Кремлевского балета» был счастливый конец, в Вероне поселилось бы милое, симпатичное семейство двух зануд.

Пакетт

18.01.05.

18.01.05.